

КНИГИ
ДЖОДИ ПИКОЛТ

Девятнадцать минут

Простая правда

Второй взгляд

Сохраняя веру

Новое сердце

Время уходить

Ангел для сестры

Клятва. История любви

Книга двух путей

Рассказчица

Домашние правила

Хочу, чтобы ты был здесь

Обращаться с осторожностью

Одинокий волк

ДЖОДИ ПИКОЛТ

ОДИНОКИЙ ВОЛК

РОМАН

Санкт-Петербург

ПРОЛОГ

Все истории рассказывают о волках.
По крайней мере, те, которые
стоит пересказывать. Все прочее —
сентиментальная чушь...

Подумай сам. Можно сбежать
от волков, сражаться с волками,
ловить волков, укрощать волков.
Тебя могут бросить на съедение
волкам, либо ты можешь бросить
волкам кого-то, чтобы его съели
вместо тебя. Бежать со стаей.

Обращаться в волка. А лучше всего
превратиться в волка-вожака.

Других достойных историй нет.

Маргарет Этвуд. Слепой убийца

Люк

Оглядываясь назад, могу сказать, что мне не следовало выпускать на волю тигра.

С остальными было проще: благодарная пара грузных слонов; сердитая обезьяна-капуцин, плюнувшая мне под ноги, когда я вскрыл замок; белоснежные арабские скакуны, чье дыхание повисло между нами, как вопросы без ответа. Мало кто оценивает животных по достоинству, и уж меньше всех дрессировщики. Но в ту минуту, когда они увидели меня рядом с клетками, я знал, что они все поняли. И даже самая шумная братия — попугаи, которых заставляют кататься на голове у пуделей, нелепо подстриженных под кучевые облака, — при побеге махали крыльями в такт, будто у них билось единое сердце.

Мне было девять, когда в Бересфорд, штат Нью-Гэмпшир, приехал Удивительный шатер чудес Владистава, что само по себе было чудом, поскольку никто никогда не приезжал в Бересфорд, штат Нью-Гэмпшир, за исключением лыжников, которые потом терялись, и репортеров во время предварительных президентских выборов, которые забегали в универмаг Хэма за кофе или в туалет на заправке. Почти все мои знакомые ребята пытались просочиться через дыры во временной ограде, воздвигнутой работниками цирка, чтобы посмотреть выступление бесплатно. На самом деле именно так я и увидел в первый раз цирк — из укрытия под трибунами, выглядывая из-за ног

честных посетителей, заплативших за билет, вместе с моим другом Луисом.

Шатер изнутри был разрисован звездами. Так похоже на городских жителей — будто они не понимали, что, если убрать палатку, можно будет смотреть на настоящее ночное небо. Что до меня, я вырос на природе. Невозможно жить в родном городе, на краю Национального парка Уайт-Маунтинс, и не проводить изрядную долю времени в походах, глядя на ночное небо. Если дать глазам привыкнуть, оно становится похожим на перевернутую чашу с блестками, словно смотришь изнутри снежного шара. Поэтому мне было жалко циркачей, которым пришлось вооружиться кистями.

Должен сказать, что поначалу я не мог оторвать взгляд от красного, расшитого блестками плаща ведущего, а еще от бесконечно длинных ног девушки-канатоходки. Когда она сделала в прыжке шпагат и приземлилась на канат, обвив его ногами, Луис шумно выдохнул:

— Как же повезло веревке!

И тогда начали выпускать животных. Первыми, закатывая сердитые глаза, вышли лошади. Затем обезьяна, в глупом наряде посыльного, вскарабкалась в седло идущей впереди лошади и скалила на зрителей зубы, нарезая круги по арене. Собаки прыгали сквозь кольца, слоны танцевали, в разноцветной суматохе порхала стая птиц, будто мы оказались на другом континенте.

Потом вышел тигр.

Конечно, его появление сопровождалось ажиотажем. Обязательными предупреждениями о том, какой это опасный зверь, и призывами не повторять эти трюки дома. Дрессировщик, с одутловатым, словно

ПРОЛОГ

булочка с корицей, веснушчатым лицом, стоял посередине манежа, когда подняли задвижку на клетке с тигром. Тигр взревел, и даже издалека я учуял дыхательные хищника.

Он взлетал на металлическую тумбу и бил когтями воздух. По команде он стоял на задних лапах. Поворачивался вокруг своей оси.

Я кое-что знал о тиграх. Например, если их побрить, то кожа все равно останется полосатой. И у всех тигров есть белая отметка на задней стороне ушей, из-за чего кажется, что они следят за вами, даже когда удаляются.

А еще — они дикие животные. Им не место здесь, в Бересфорде, среди криков и аплодисментов толпы.

В этот миг произошли две вещи. Во-первых, я неожиданно понял, что мне не нравится цирк. Во-вторых, тигр уставился прямо на меня, словно заранее выяснил номер моего места.

Я сразу догадался, чего он от меня хочет.

После вечернего представления выступающие пошли к озеру за начальной школой, чтобы выпить, сыграть в покер и искупаться. Получалось, что большинство трейлеров, припаркованных за шатром, опустели. Оставался охранник — огромный как гора мужчина с бритой головой и кольцом в носу, — но он храпел во всю мочь рядом с пустой бутылкой водки. Я тихо проскользнул за ограду.

Даже спустя время я не могу объяснить, почему это сделал. Что-то протянулось между тигром и мной; осознание, что я был свободен, а он нет. Тот факт, что его непредсказуемая, полная опасностей жизнь свелась к выступлениям в три часа и в семь.

Сложнее всего отпиралась клетка с обезьяной. Большинство других мне удалось открыть ножом для

колки льда, который я стащил из домашнего бара деда. Я выпускал животных быстро и тихо и смотрел, как они исчезают в складках ночной темноты. Казалось, они понимали, как важно соблюдать осторожность; даже попугаи растворились вдали без единого звука.

Последним я освободил тигра. Я решил дать другим животным минут пятнадцать форы, чтобы убралась подальше, пока не спущу на них хищника. Поэтому я присел на корточки перед клеткой и принялся рисовать камешком в мягкой земле, поглядывая на наручные часы. Пока я сидел там в ожидании, мимо прошла Бородатая Дама.

Она сразу же заметила меня.

— Ну-ну, — протянула она.

Я не смог разглядеть ее рот в гуще усов. Но она не стала спрашивать, что я тут делаю, и не велела мне уйти.

— Поосторожнее тут, — предостерегла дама. — Он метит.

Наверняка она заметила исчезновение остальных животных, ведь я не пытался замаскировать открытые пустые клетки и загоны, но дама устояла на меня долгим взглядом, а затем поднялась по ступенькам трейлера. Я задержал дыхание, ожидая, что она вызовет полицию, но неожиданно услышал радио. Скрипки. Дама подпевала густым баритоном.

Скажу вам вот что: даже сейчас я помню скрежет металлических прутьев, с которым открывалась дверь клетки. Как тигр терся об меня, подобно домашнему коту, а затем перескочил через ограду одним прыжком. Я помню вкус страха, похожий на миндальный бисквит, когда осознал, что меня непременно поймут.

ПРОЛОГ

Хотя... Меня так и не поймали. Бородатая Дама никому обо мне не сказала, и во всем обвинили цирковых служителей, убравших слоновий навоз. К тому же следующим утром жители города были слишком заняты восстановлением порядка и отловом сбежавших животных. Слонов нашли, когда те плескались в городском фонтане, предварительно опрокинув мраморную статую Франклина Пирса. Обезьяна пробралась в витрину с пирогами в местном кафе и на момент поимки поглощала восхитительный шоколадный торт. Собаки развлекались в помойке за кинотеатром, а лошади разбрелись по всему городку. Одну видели галопирующей по Мейн-стрит. Другая добралась до местного луга и паслась там вместе со стадом. Третья проделала свыше десяти миль до горнолыжной трассы, где ее заметили со спасательного вертолета. Два из трех попугаев пропали без вести, а последний свил гнездо на колокольне конгрегационной церкви Шантука.

Тигра, естественно, и след простыл. Это оказалось большой проблемой, поскольку попугай-рenegат — это одно, а хищник на свободе — совсем другое. В парк Уайт-Маунтинс послали Национальную гвардию, а школы в Нью-Гэмпшире закрыли на три дня. Луис приехал ко мне на велосипеде и поделился ходившими слухами: будто тигр зарезал призовую телку мистера Волцмана, ребенка, а потом и директора нашей школы.

Мне не хотелось думать о том, что тигр вообще будет кого-то есть. Я представлял, как он спит высоко на дереве днем, а ночью гуляет, находя путь по звездам.

Через шесть дней после того, как я освободил цирковых животных, тигра нашел солдат Национальной

ОДИНОКИЙ ВОЛК

гвардии по имени Хоппер Макфи, принявший присягу всего за неделю до событий. Огромный кот плескался в реке Аммоноосук. На его морде и лапах еще виднелась кровь оленя, которым он пообедал. Если верить Хопперу Макфи, тигр прыгнул на него с намерением убить, и солдату пришлось стрелять.

Я сильно сомневаюсь в его словах. Скорее всего, тигр был сонным после такого обеда и уж точно не голодным. Тем не менее я охотно верю, что тигр прыгнул на Хоппера Макфи. Потому что, как я уже говорил, мало кто оценивает животных по достоинству. А как только тигр увидел нацеленное на него ружье, он все понял.

Что ему придется лишиться ночного неба над головой.

Что он снова попадет в плен.

Поэтому тигр сделал свой выбор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

С волками жить — по-волчьи выть.

Никита Хрущев

*(цитируется по журналу «Обсервер»,
Лондон, 26 сентября 1971 года)*

Кара

За секунду до того, как грузовик врезался в дерево, я вспомнила, как впервые в жизни пыталась кого-то спасти.

Мне было тринадцать, и я только что переехала к отцу. Если точнее, моя одежда снова висела в моей бывшей спальне, но я жила по-походному в трейлере на северной оконечности старой фактории Редмонда и парка динозавров. Там обитали в неволе волчья стаи моего отца, а также гиббоны, соколы, ожиревший лев и аниматронный тираннозавр, который ревом отмечал каждый час. Поскольку отец проводил там девяносто девять процентов своего времени, то ожидалось, что я буду его сопровождать.

Мне казалось, что такая жизнь лучше жизни с матерью, Джо и чудо-близнецами, но перемена места прошла далеко не так гладко, как я надеялась. Наверное, мне представлялось, как мы с отцом печем блины воскресным утром, играем в карты или прогуливаемся по лесу. Отец и правда гулял в лесу, но его прогулки проходили в вольерах, построенных для стай, и он был слишком занят тем, что изображал из себя волка. Он катался по грязи с Сибо и Собагв, рядовыми волками; держался поодаль от Пекеды, второго по главенству в стае. Сидя между волками, он обгладывал перепачканный скелет тельца, а по рукам и лицу стекала кровь. Отец считал, что, живя в стае, получит больше знания, чем наблюдающие издали биологи. К тому времени, когда я переехала к отцу, он уже добился,

что пять стай принимали его как добропорядочного члена, достойного жить, есть и охотиться вместе с ними, несмотря на то что он был человеком. Благодаря этому некоторые люди поговаривали о его гениальности. Остальные считали сумасшедшим.

Не могу сказать, что в день, когда я уехала от матери и ее новой, с иголки, семьи, отец принял меня с распростертыми объятиями. Он сидел в вольере с Местав. Волчица впервые ожидала потомство, и отец старался наладить с ней отношения, чтобы она выбрала его в няньки волчатам. Он даже спал там, с волчьей семьей, а я сидела допоздна и листала каналы на телевизоре. В трейлере было одиноко, но еще тоскливее сидеть в пустом доме.

Летом район Уайт-Маунтинс наполняли туристы,двигающиеся из деревни Санты к Поляне сказок, а затем в торговую факторию Редмонда. Зато в марте глупый тираннозавр ревел в пустом парке аттракционов. В межсезонье единственными людьми на территории оставались мой отец, приглядывающий за волками, и Уолтер — смотритель, подменявший отца, когда тот отлучался. Город выглядел вымершим, поэтому после школы я начала приходить к вольерам, достаточно близко, чтобы Бедаги, сигнальщик стаи, привыкал к моему запаху, расхаживая по ту сторону ограды. Я наблюдала, как в клетке Местав отец роет нору, где та будет рожать волчат, и рассказывала ему о капитане футбольной команды, попавшемся на списывании, или о гобоистке из школьного оркестра, которая полюбила носить балахоны и о которой ходили слухи, что она беременна.

В ответ отец объяснял, почему волнуется о Местав: инстинкт не всегда мог выручить молодую самку. У нее не было перед глазами примера, чтобы стать хо-

рошей матерью; да и потомства раньше не было. Иногда волчицы бросали детенышей просто потому, что не знали, как себя с ними вести.

В ночь, когда Местав разродилась, она сделала все как по учебнику. Отец отметил событие, открыв бутылку шампанского, и разрешил мне выпить бокал. Я хотела посмотреть на детенышей, но отец сказал, что они покажутся только через несколько недель. Даже Местав целую неделю будет оставаться в логове, чтобы каждые два часа кормить волчат.

Но всего через две ночи меня разбудил отец.

— Кара, — сказал он, — мне нужна помощь.

Я натянула зимнюю куртку и сапоги и пошла за ним в вольер, к логову Местав. Только ее там не было. Она бродила вокруг, как можно дальше от волчат.

— Я по-всякому пытался заманить ее обратно, но она не хочет, — буднично сообщил отец. — Если не спасти волчат сейчас, второй возможности у нас не будет.

Он залез в логово и выполз с двумя крошечными сморщенными крысами. По крайней мере, мне так показалось, пока они извивались у него на ладонях с плотно зажмуренными глазами. Он передал волчат мне, и я спрятала их под куртку, а отец вытащил еще двух. Один детеныш выглядел хуже остальных. Он не двигался, а вместо ворчания издавал редкие, еле слышные вздохи.

Я пошла за отцом в сарай за трейлером. Пока я спала, отец выбросил оттуда на снег все инструменты; пол теперь покрывал слой сена. В небольшой картонной коробке лежал пушистый красный плед из трейлера.

— Закутай их, — велел отец, и я послушалась.

Грелка под одеялом согревала не хуже теплого брюха; трое детенышей сразу же принялись тыкаться носом в складки. Четвертый волчонок был холодным

на ощупь. Я не стала опускать его в коробку к братьям и снова спрятала под куртку, прижав к сердцу.

Отец вернулся с детскими бутылочками, полными «Эсбилака» — это как детское питание, но для животных. Он потянулся за волчонком, лежавшим у меня на руках, но я не смогла его отдать.

— Я покормлю остальных, — сказал он, и, пока я уговаривала свою девочку выпить каплю за каплей, три брата высосали по полной бутылочке.

Мы кормили волчат каждые два часа. На следующее утро я не стала одеваться в школу, а отец не подавал признаков, что ожидает моего ухода. Между нами висело молчаливое понимание: то, чем мы занимаемся здесь, намного важнее изучаемого в классе.

На третий день мы дали волчатам имена. Отец считал, что местные создания должны носить аборигенные имена, поэтому называл всех волков на языке племен абенаки. Самый крупный волчонок, шумный черный комок энергии, получил имя Нода, что означало «услышь меня». Хулигана, который путался в шнурках и застревал под отворотами коробки, назвали Кина, или «посмотри». Кита, то есть «слушай», держался поодаль и внимательно наблюдал за нами, ничего не упуская.

Их младшую сестренку я назвала Миген, «перышко». Иногда она пила молоко не хуже братьев, и я начинала верить, что опасность миновала, но потом снова обмякала у меня на руках, и приходилось ее растирать и прятать под рубашку, согревая.

Круглосуточное бдение полностью меня вымотало. Бывало, что на пару минут я засыпала на ходу и рывком просыпалась. Все это время я носила Миген, пока руки не начали казаться пустыми без ее веса. На четвертую ночь я снова задремала, а когда открыла глаза,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

отец смотрел на меня с невиданным ранее выражением.

— Когда ты родилась, я тоже не отпускал тебя, — сказал он.

Через два часа Миген начало безостановочно трясти. Я умоляла отца поехать к ветеринару, в больницу, куда угодно, где ей помогут. Я так рыдала, что он закутал остальных волчат и отнес коробку в потрепанный грузовичок, на котором ездил. Коробка стояла между нами на переднем сиденье, а Миген дрожала у меня под курткой. Меня тоже трясло — то ли от холода, то ли от страха перед неизбежным.

Она умерла, когда мы парковались у ветеринарной клиники. Я сразу поняла, когда это случилось; она стала совсем легкой у меня в руках. словно пустая ракушка.

Я закричала. Мысль о Миген, мертвой, так близко со мной, была невыносимой.

Отец забрал ее у меня из рук и завернул в свою фланелевую рубашку. Он положил тело на заднее сиденье, подальше от моих глаз.

— В дикой природе она бы и дня не протянула. Только благодаря тебе она прожила так долго.

Если он думал, что мне станет легче, то ошибался. Я разразилась громкими рыданиями.

В один миг коробка с волчатами переместилась на приборную панель, а я оказалась на коленях у отца. От него пахло мятой и снегом. Впервые я поняла, почему он не мог оторваться от наркотика, который представляло собой волчье сообщество. По сравнению с такими проблемами, на грани жизни и смерти, разве имело значение, кто заберет вещи из химчистки или забытый день открытых дверей в школе?

Отец рассказал, что в дикой природе волчице приходится дорого платить за науку. Но в неволе, где